

ДРЕВНІЯ
РУССКІЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

Собранныя М. Сухановымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1840.

Древние
русские
стихотворения

ДРЕВНІЯ

РУССКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Служащія въ дополненіе къ Киршѣ Данилова.

Собранныя М. Сухановымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Н. Воробьева

1840 года

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ С. Петербургъ. Января 5-го дня 1839 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Выдавая въ свѣтъ собранныя мною *Древнія Русскія стихотворенія*, я смѣю льстить себя, что любители отечественной Словесности не безъ удовольствія прочтутъ ихъ. Эти стихотворенія собраны большею частію изъ устъ народа, а другія изъ рукописныхъ и другихъ печатанныхъ, лѣтъ за восемдесять — сборниковъ.

Хотя я, когда то, читалъ стихотворенія Кирши Данилова, но мнѣ кажется, въ его собраніи нѣтъ тѣхъ, которыя представляются мною, или и есть, но въ другомъ видѣ, съ большею разностію. Слѣдственно эти стихотворенія должны быть произведеніями другихъ отечественныхъ пѣвцовъ.

Новгородъ.

ДИМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЬ
И
ДОМНА ФАЛЕЛѢЕВНА

ДРЕВНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ (*).

Какъ сватался Димитрій Князь,
Какъ сватался сынъ Васильевичь,
Что на Домнѣ на Домнушкѣ,
На Домнѣ Фалелѣевнѣ!
По три года, по три мѣсяца;
По три утра, по три вечера,
Отъ воротъ не отъѣзжаючи.
Зазвонили къ заутрени,
Что къ честной Воскресенскія.
Тутъ поѣхалъ Димитрій Князь,
Поѣхалъ сынъ Васильевичь,

(*) Слышанное, и списанное слово въ слово, какъ здѣсь значится, отъ Кольской мѣщанской дѣвки Василисы, неумѣвшей нисколько Русской грамотѣ. Эти стихи были ею пѣты.

Что ко той ко заутрени,
Ко честной Воскресенскія.

Кидалася Домнушка,
Домна Фалелѣевна,
Во косящето окощечко,
Что по плечъ буйну голову.
„Ужъ вы нянюшки, мамушки,
„Мои вѣрны служаночки!
„Вы идите скоро ко мнѣ
„Посмотрите на улицу:
„Еще этотъ ли Димитрій Князь?
„Еще этотъ ли сынъ Васильевичь?
„Ахъ, ножища—то что вилища!
„Ручища—то что граблища!
„Головища, что пивной котелъ!
„Глазища—то что ямища!
„Губища—то что палчища.“

(*Князь Димитрій это видѣлъ и слышалъ.*)

Какъ приходитъ Димитрій Князь,
Какъ приходитъ сынъ Васильевичь
Отъ божьей отъ заутрени,
Отъ честной Воскресенскія.
Говоритъ другу вѣрному,

Что сестрицѣ родимыя,
Настасьѣ Васильевнѣ:
„Ты сестрица родимая,
Настасья Васильевна!
Собери же ты честной пиръ,
Не князьямъ и не боярамъ,
Не княгинямъ, боярынямъ;
А для Домны для Домнушки,
Для Домны Фалелѣевны!
Скажи, что Димитрій Князь
Со князьями, съ боярами,
Забавляется охотою."

Посылала Настасьюшка,
Посылала Васильевна
Своихъ вѣрныхъ подруженекъ,
Что ко Домнѣ, ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелѣевнѣ
Ее звать на честной на пиръ.

Что приходятъ подруженьки
Ко Домнѣ Фалелѣевнѣ,
Говорятъ таковы слова:
„Ужъ ты Домна ты Домнушка!
Ты Домна Фалелѣевна!

Что звала тебя подруженька
Настасья Васильевна;
Что къ себѣ на честной пиръ."

„Еще дома ли Димитрій Князь?
Еще дома ль сынъ Васильевичь?"
Вопросила ихъ Домнушка.
Отвѣчали подруженьки:
Что Димитрія дома нѣтъ;
Онъ съ князьями, съ боярами
Забавляется охотою.

Тутъ сказала имъ Домнушка
Домна Фалелѣевна;
Что придеть она къ Настасьюшкѣ.

Снаряжалася Домнушка,
Домна Фалелѣевна,
Къ своей вѣрной подруженькѣ
Ко Настасьѣ Васильевнѣ!
Какъ пришла ея матушка.
„Ахъ ты Домна, ты Домнушка!
Ты Домна Фалелѣевна!
Не ходи ты къ подруженькѣ,
Ко Настасьѣ Васильевнѣ!
Что почесь мнѣ мало спалось.

Мало спалось, много видѣлось,
Что хожу я по горницѣ,
Одѣваюсь въ платье цвѣтное,
Выбираю я свои кресты, —
И не вижу одного креста,
Одного креста, самаго лучшаго,
Съ дорогими-то со вставками,
Съ самоцвѣтными каменьями.

(Домна Фалелѣевна, увѣренная въ дружбѣ Настасьи, не послушала совѣтовъ доброй матери. Однако, имѣя какое-то сердечное предчувствіе, взяла украдкою изъ своихъ заповѣдныхъ ларцовъ два ножичка булатные и спрятала ихъ подъ платьемъ.)

Не послушала Домнушка
Словъ родимыя матушки;
Пошла къ вѣрной подруженькѣ
Къ Настасьѣ Васильевнѣ. —
Какъ наполъ — пути встрѣтилися,
Встрѣчу Домнѣ Фалелѣевнѣ
Два калики прохожія!
Говорили-то Домнушкѣ,
Домнѣ Фалелѣевнѣ

„Ахъ, ты Домна, ты Домнушка,
Ты Домна Фалелѣевна!
Не ходи ты къ Настасьюшкѣ,
Къ своей вѣрной подруженькѣ,
Что Настасья зло думаетъ;
Не поѣхалъ на охотушку
Ея братецъ Димитрій Князь.“ —

Эти калики — были любимые молодые *Бояре князя, переодѣтые каликами, и сами* влюбленные въ Домну Фалелѣевну. — Домна Фалелѣевна, можетъ быть и повѣрила имъ, *но не хотѣла возвратиться домой, давши слово своей вѣрной подругѣ.*

Приходила Домнушка,
Свѣтъ Домна Фалелѣевна
Къ широку двору Настасьину:
Встрѣчали тутъ Домнушку,
Домну Фалелѣевну
Все князи и бояра;
Княгини и боярыни.
Приходила Домнушка
Домна Фалелѣевна
Приходила къ новымъ сѣнямъ:

Ее на сѣничкахъ встрѣтила
Ея вѣрная подруженька,
Настасья Васильевна!
Говоритъ ей таковы рѣчи:
„Приходи ты горделивая!
Приходи-ка ломливая!
Приходи *высокородная*. . . . (*)“
И ввела ее въ нову горницу.
Тамъ изъ занавѣски узорчатой
Встрѣчалъ ее самъ Димитрій Князь.

Въ то время у Домнушки,
У Домны Фалелѣевны
Ноги рѣзвы подломилися,
Изъ глазъ слезы покатилися.
Что кладетъ она честный крестъ
На свои-то на бѣлы плечи,
И молилась Божьей матери. —
А потомъ въ четыре стороны
Всѣмъ князьямъ и боярамъ
Въ шелковъ поясъ поклонилася.

(*) И по нынѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ селянами прилагательное высокородный — бываетъ ѣдкимъ упрекомъ, какъ бы, гордый, надменный, ни кого противу себя не равняющій. Прим. С.

Тутъ Настасья Васильевна,
Ея вѣрная подруженька
Ее *посадила за дубовый столъ*;
Ея братецъ Димитрій Князь,
Родимый сынъ Васильевичь,
Налилъ чару *зелена вина*,
Подносилъ *чару* ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелѣевнѣ.
„Ты *примика горделивая!*
Ты примика ломливая!
Эту *чару зелена вина*,
Отъ ручищей, что отъ граблищей;
Отъ глазищей, что отъ ямищей,
Отъ главища, что пивной котелъ."

(Тутъ, какъ видно, послѣдовало предложеніе Князя Димитрія Васильевича, что она *волею* или *неволею*, а должна быть за нимъ. Домна прибѣгаетъ къ притворству, соглашается и, вотъ ея отвѣтъ:

Что возговоритъ Домнушка,
Домна Фалелѣевна:
„Ты позволь мнѣ Димитрій Князь,
Ты позволь сынъ Васильевичь!

Мнѣ съѣздить во чисто поле
На могилу къ родну батюшкѣ
Попросить позволенія.“ —

(*Димитрій колеблется.*)

А чтобы я не ушла отъ васъ?
Пошли съ переди вожатаго,
А позади провожатаго.“

(Князь отпускаетъ ее съѣздить къ могилѣ родителя и посылаетъ съ нею множество своихъ вѣрныхъ слугъ.)

Пріѣхала-то Домнушка,
Домна Фалелѣевна!
На могилу родна батюшка;
Соходила со добра коня,
Становилась на сыру землю,
И втыкала во могилушку
Что два ножичка булатные;
И сказала таковы слова:
„Не достанься ты тѣло бѣлое
Что не суки то борзыя!
Не змѣи заозерскія!
Что не кобелю борзому.„

(Тутъ она падаетъ на ножи и закалывается. Слуги возвращаются и доносятъ о ея смерти Димитрію. Димитрій немедленно ѣдетъ туда; видитъ бездыханное тѣло Домны Фалелѣевны; приходитъ въ отчаяніе; безъ Домны ему опостыла жизнь; онъ, также, втыкаетъ въ могилу два ножа булатные, падаетъ на нихъ, и потомъ обнявши бездыханное тѣло Домны Фалелѣевны умираетъ.

Таково заключеніе.

II.

Какъ Князь Романъ жену терялъ,
Терялъ, терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту рѣку *во Смородину*.
Пріѣхалъ къ своему широку двору; —
Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ изъ кареты за бѣлы руки;
Стала у батюшки выспрашивать:
Государь ты мой, родной батюшка!
Куда ты дѣвалъ мою матушку?
„Не плачь, не плачь дочь любезная!
Пошла твоя матушка во высокъ теремъ,
И бѣлится и румяниться,
Во цвѣтное платье наряжатися.“
Пошла княжна во высокъ теремъ
Искать своей матушки родимыя! —
Бѣлилечки стоятъ не бѣлены,
Румянички и не тронуты;
Цвѣтно платьице на грядочкѣ.
Идетъ княжна какъ рѣка льется:
„Государь ты, мой, родной батюшко!
Куда дѣвалъ мою матушку?“
— „Не плачь, не плачь дочь любимая!
Поѣхала матушка въ чисто поле,

Цвѣточки рвать, вѣночки вить.“
Выходила княжна не крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:
„Ахъ! вы слуги мои, слуги вѣрные!
Запрягайте скорѣе колясочку,
Повезите меня къ родимой матушкѣ,
Ахъ! далече, далече, во чисто поле,
Цвѣточки рвать, вѣночки вить.“
Пріѣхала далече въ чистое поле,
Цвѣточки стоятъ не сорваны,
А вѣночки и не свиваны:
„Ахъ, какъ нѣтъ моей матушки родимыя!„
Какъ билася княжна объ сыру землю,
Она плакала громкимъ голосомъ.
Надъ ней леталъ младъ орелъ птица,
Орелъ птица, птица царская,
Спускалася къ ней на бѣлы руки;
Во когтяхъ онъ держалъ руку бѣлую,
Руку бѣлую, руку правую,
Со перстнями со алмазными.
Что возговоритъ орелъ птица:
„Не плачь, не плачь молода княжна!
Не ищи ты своей родимой матери!
Какъ *Князь Романъ жену терялъ*,

Терялъ, терзалъ во рѣку бросалъ,
Во ту рѣку, *во Смородину*;
Вотъ твоей матушки права рука
Со перстнями со алмазными." —
Пріѣхала княжна къ широку двору,
Всходила она во высокъ теремъ,
Она била руки объ дубовой столъ.
Услышалъ ея родимой батюшка,
Бѣжитъ къ княжнѣ во высокъ теремъ:
— „Ты о чемъ плачешь дочь любимая?„ —
„Государь ты мой, родной батюшка,
„За что погубилъ мою матушку?„
— „Ахъ! свѣтъ моя дочь любимая!
Не я терялъ, не мои руки,
Потеряло ея слово противное.
Приведу я къ тебѣ матушку любезную.„ —
Что возговоритъ молода княжна:
„Не желаю матушки любезныя;
„Желала бъ свою матушку родимую.„

III.

Во градѣ было *Кіевѣ*,
Жила, была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая дочь любимая;
Ее братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ за мужъ выдали,
За младова за Морянина;
За хорошева боярина; —
Поѣхалъ онъ съ нею за море.
Тамъ годъ живутъ, тамъ два живутъ;
На третій годъ встосковалися.
Поѣхали къ своей матушкѣ:
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
На третій день становилися
Кашу варить и коней кормить.
Не злы вороны налетѣли,
Злы разбойники наѣхали;
Морянина смерти предали,
Моряченка въ море бросили,
Морянушку въ полонъ взяли;
Разбойники послѣ спать легли.

Одинъ изъ нихъ не спитъ, не лежитъ;
Не лежитъ, онъ Богу молится;
Самъ морянку выспрашиваетъ:
Морянка, морянка, морянушка!
Изъ котораго ты города?
Котораго отца матери?
— „Я, города, сударь, Кіева;
Жила была, вдова богатая,
У ней было девять сыновей,
Десятая я, несчастная!
Меня братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ, за мужъ выдали,
За младова за Морянина,
За хорошова Ояріна.„ —
Возопилъ онъ тутъ громкимъ голосомъ:
„Вы братья; вы братья, родимые!
„Не морянина мы зарѣзали,
„Мы зарѣзали зятя милова!
„Не Морянченка въ море бросили,
„А племянника мы роднова!
„Не морянушку въ полонъ взяли
„Полонили сестру милую...
„Сестрица, сестрица родимая!

„Не сказывай нашей матушкѣ.
„Опять тебя отдадимъ за мужъ;
„Надѣлимъ тебя больше прежняго.„
Что возговоритъ во слезахъ сестра:
— Вы чѣмъ меня не надѣлите,
Мила друга не воскресите.„

IV.

О ВЗЯТІИ КАЗАНИ.

Вы, молодые ребята послушайте,
Что мы стары старики будемъ сказывати,
Про Грознаго Царя Ивана Васильевича,
Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За *Сулай* за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
Ой Татарѣ по городу похаживаютъ,
Они всяко грубіанство оказываютъ,
Они Грозному Царю насмѣхаются:
Ай не быть нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!
Ахъ, какъ тутъ нашъ Государь разгнѣвался,
Что подрывъ такъ долго медлится,
Приказалъ онъ за то *пушкарей* казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
Какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися;
А одинъ пушкарь поотважился:
Прикажи Государь Царь слово выговорить....

Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорѣли зажигательны свѣчи,
И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ
Какъ стѣны бросать стало за *Сулай* за рѣку.
Всѣ Татарѣ, тутъ, братцы устрашилися,
Они Бѣлому Царю покорилися.

V.

О ВЗЯТІИ КОЛЫВАНИ.

Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ,
Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты;
Что во тѣхъ ли бѣлокаменныхъ палатахъ
Какъ стояли тутъ столы дубовые;
За столомъ сидитъ Шведская Королева;
Передъ ней стояли Шведскіе Генералы:
„Ахъ ты гой еси наша Шведская Королева!
Ты за чѣмъ къ Королю брату не пишешь,
Чтобъ прислалъ онъ силы на подмогу,
Чтобъ за силою прислалъ бы провіанту?„ —
Что возговоритъ тутъ Шведская Королева:
Ахъ, вы гой еси Шведскіе Генералы!
Ужъ я и такъ къ Королю брату писала
И нарочныхъ курьеровъ посылала
Чтобъ прислалъ онъ мнѣ силы на подмогу,
А за силою прислалъ бы провіанту.
Не успѣла Королева слово молвить,
Ужъ какъ Бѣлой Царь къ городу подступаетъ,
И онъ шанцы, батареи отбиваетъ,

Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
А въ городъ армію свою впускаетъ,
И онъ Шведскіе караулы всѣ снимаетъ,
Онъ Россійскіе караулы разставляетъ.

VII.

О ДОБРЫНѢ НИКИТИЧѢ.

(*отрывокъ*).

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится
Не шелковая трава устилается,
Еще кланяется сынъ своей матушкѣ,
Что славный Добрыня Никитичь сынъ,
Что честной вдовѣ Афимьѣ Александровнѣ.
Ужъ ты мать, ты мать моя матушка!
Ты честна вдова Афимья Александровна!
Ужъ ты дай благословеніе мнѣ великое!
Походить, да погулять мнѣ по чисту полю,
Поискать мнѣ своего брата названаго,
Что того ли могучаго Богатыря,
Что по имени да Илью Муромца.
Что возговоритъ въ отвѣтъ его матушка;
Что честна вдова Афимья Александровна:
На когожъ ты покидаешь молоду жену,
Молоду жену Настасью Микулишну?
На кого еще покидаешь свою матушку?„ —
Ахъ, давно моей младой женѣ ужь было сказано,
Давно Настасьѣ Микулишнѣ приказано,

Чтобъ ждала меня Настасьюшка девять лѣтъ,
Ожидала бы Микулишна девять лѣтъ!
На десятой годъ Настасья пусть за мужъ пойдетъ,
Хоть за князя пойдетъ, хоть за боярина,
Хоть за славнаго могучаго богатыря!
Лишь не ходилабъ за Олешу за Поповича,
За того ли за бабьяго насмѣшника!
Что охотникъ Олеша насмѣхаться былъ,
Что надъ тѣми ли надъ красными дѣвицами,
Что и надъ тѣми надъ честными надъ вдовицами,
И надъ мужьими молодыми женами.
Ужъ какъ видѣли Добрыню какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли Добрыню какъ съ двора съѣзжалъ.
Онъ ѣхалъ до Кіева двѣнадцать дней,
Не доѣхалъ до Кіева двѣнадцать верстъ;
Что увидѣлъ сидитъ на высокомъ дубу,
На высокомъ дубу сидитъ младъ яссйнъ соколъ.
Онъ клалъ свою калену стрѣлу,
Онъ стрѣлялъ стрѣлой въ ясна сокола,
Ужъ какъ та стрѣла не путемъ пошла;
Не путемъ пошла не дорогою,
Что летитъ стрѣла во высокъ теремъ,
Во косящето во окошечко,

Что ко той Маринкѣ лютой змеѣ!
А Маринки тогда не досугъ было
Она набѣло бѣлилася,
Она накрасно румянилася,
На почетный пиръ собиралася.
Какъ тогда Маринка остервенилася;
Закричала Маринка грознымъ голосомъ.
Ужъ добро же Добрыня Никитичь сынъ!
Я сама тебѣ ту шуточку да отсмѣю!
Ужь ты будешь ходить да золотымъ туромъ.
. . . . (*)

(*) Окончаніе обѣщано доставить. Эту старину знаютъ многіе старые селяне Арх. губ.

УСТИНЬЯ.

Древнее стихотворение (*)

Какъ сватался су воръ Янька
Пять лѣтъ на Устиньѣ,
Пять лѣтъ на голубкѣ;
Не могъ ее достати;
Не могъ доступити.

Пошелъ-то воръ Янька
Къ дѣвушкамъ голубкамъ,
Устиньинымъ подружкамъ,

„Ужь вы дѣвушки голубки!
Устиньины подружки!
Я вамъ дамъ по златницѣ,
Выманите Устинью
Въ Маринскую рощу.“
Дѣвушки согласились.

Пошли-то дѣвушки,
Пошли-то красныя

(*) Слышано отъ семидесятилѣтней старушки Р—чики. Она, гдѣ стихи, — то ихъ пѣла; а гдѣ проза — то ее произносила такъ.

Къ бабушкѣ старушкѣ,
Устиньиной *мачкѣ*.

Приходятъ:

Устиньина мачка
На печкѣ сидѣла,
Бабушка старушка
Чуть ихъ опознала.

Дѣвушки поздоровавшись съ нею сказали:

„Спусти, спусти бабушка,
Спусти, спусти сударыня
Свою-то Устинью
Въ Марьинскую рощу
Съ нами погуляти,
Въ хороводѣ поплясати.“

Какъ сговоритъ промолвитъ
Устиньина мачка:

„Моя-та Устинья
Моя-то голубка,
Нигдѣ не бывала,
Людей не видала.„

Но подружки Устиньины упросили бабушку старушку: она согласилась отпустить съ ними дочь свою.

Устинья во сѣняхъ
Голову чесала,
Косу заплетала;
Надѣвала Устинья
Понизову юпку,
Штофну душегрѣю.

Пошли-то подружки,
Пошли-то голубки,
Во Марьинскую рощу.
Надѣвалъ-то воръ Янька

Понизову юпку,
Штофную душегрѣю.

Словомъ онъ одѣлся поженски и приходитъ, тоже, въ Марьину рощу. Устиньины подруги приняли его за Московскую гостью, свою подругу. Онѣ завели дѣвичьи игры, и раздѣлились по парно и

Жеребьи бросали
Попарно плясали.
Приходилось Устиньѣ,
Приходилось голубкѣ
Съ Московскою гостьей.

Какъ сговоритъ Устинья,
Какъ сговоритъ голубка:
„Что это за гостья?
Что за Московка?
Какъ барская *хилка*!
Какъ су воръ Янька?„

Янька видя, что его узнали, оставляетъ притворство.

Какъ сговоритъ воръ Янька
Взговоритъ Устиньѣ:
„Пойдешъ ли за меня за мужъ?„

Какъ взговоритъ Устинья,
Какъ взговоритъ голубка;
— Я что себѣ не прійму,
За тебя за мужъ не пойду.„

Какъ вынимаетъ воръ Янька
Ножичекъ булатный,
Убиваетъ Устинью,
Убиваетъ голубку.

Приходятъ подружки
Приходятъ голубки
Къ Устиньиной мачкѣ.

„Бабушка, старушка!
Твоя то Устинья
Кровію вѣнчалась,
На ножѣ обручалась.

Старушка, мачка Устиньи, доноситъ суду на подругъ Устиньиныхъ. Ихъ берутъ подъ стражу, допрашиваютъ и, по ихъ сознанію въ соучастіи, ихъ высѣкли кнутомъ и сослали; Яньку же повѣсили.

VIII.

СКОПИНЪ—ШУЙСКІЙ.

Отрывокъ (*).

Что въ Москвѣ чудо учинилося.
Во Мартѣ, это было мѣсяцѣ,
При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ.
Заперты пути дороженьки,
Закрыты торги ярмарки!
Одолѣла Литва поганая!
Что въ Москвѣ воевода былъ
Скопинъ Михайло Васильевичь.
Скопилъ онъ себѣ силу армію:
Не много не мало сорокъ тысячь,
Онъ пошелъ къ Новуграду,
Входитъ въ храмъ Софіи премудрыя;
Служилъ молебны заздравныя;
У Спаса просилъ себѣ милости,
У Божьей матери себѣ помощи.

Еще въ то время, еще въ тѣ поры
Грозный Царь Иванъ Васильевичь

(*) Этотъ отрывокъ я слышалъ Пошехонскаго уѣзда въ деревнѣ Лапушкѣ, отъ тамошняго крестьянина.

Посылалъ воеводу Головина,
Своего зятя любимаго.
Головинъ приказа не ослушался;
Приходитъ на посольской дворъ.
Бралъ перо лебединое,
Чернилицу изъ Царя града
Писалъ ерлыки скорописныя
Къ Голстинскому Королю Карлусу.

. . . . . . , ...

IX.

СТАРИННАЯ ПѢСНЯ.

На Рождественской недѣлѣ
Ой матушка!
Красныя дѣвушки
Ой матушка!
Собиралися въ избушку,
Ой матушка!
Во избушку во пустую
Ой матушка!
Изъ подъ печки изъ подъ столбца
Ой матушка!
Вышла красная дѣвица
Ой матушка!
Въ тонкой бѣленькой рубашкѣ
Ой матушка!
Въ синемъ сарафанѣ,
Ой матушка!
Въ красненькихъ башмачкахъ,
Ой матушка!
У ней губы-то медвѣжьи;
Ой матушка!

(*) Эту старинную пѣсню подслушалъ я въ захолустьѣ Пошехонскаго уѣзда въ селѣ М—вѣ, отъ поселянокъ.

Зубы-то желѣзны.
Ой матушка!
Всѣ дѣвушки испугались
Ой матушка!
Изъ избушки побросались.
Ой матушка!
Одну дѣвушку схватила,
Ой матушка!
На колѣни посадила,
Ой матушка!
„Ты красная дѣвушка!
Ой матушка!
Отвори окошко,
Ой матушка!
Кликни подружкамъ,
Ой матушка!
Назадъ бы воротились
Ой матушка!
Меня бы не боялись,
Ой матушка!
Я такая же дѣвица.
Ой матушка.

X.

О БОГАТЫРѢ СУРОЖЕНИНѢ.

Въ старыя вѣки прежнія,
Не въ нынѣшнія времена послѣднія,
Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ!
Суровецъ молодецъ, онъ Суроженинъ!
По роду города Суздаля,
Сынъ отца гостя богатаго.
Охочь онъ ѣздить за охотою;
За гусями, за лебедями,
За сѣрыми утицами.
Онъ ѣздитъ день до вечера;
А покушать молодцу нечего.
Какъ наѣхалъ въ чистомъ полѣ на сырой дубъ!
Сырой дубъ еще не простой,
Не простой корокольчестой.
Что на томъ дубу сидитъ черной вранъ,
Черной вранъ птица вѣщая.
Онъ снимаетъ съ себя крѣпкой лукъ,
Крѣпкой лукъ и калену стрѣлу
Онъ накладываетъ на тетивочку шелковую,
Хочетъ стрѣлить поверхъ дерева,
Хочетъ убить черна ворона,

Черна ворона птицу вѣщую.
Что возговоритъ ему черной вранъ
Черной вранъ птицая вѣщая:
Гой еси ты Суровецъ молодецъ!
Суровецъ богатырь еще Суроженинъ!
Тебѣ меня убить не корысть получить;
Мясомъ моимъ не накушаешся,
Кровью моей не напитися,
Перьемъ моимъ не натѣшиться;
Ино я тебѣ вѣстку скажу,
Вѣстку скажу, вѣстку радостную:
Какъ далече, далече, во чистомъ полѣ,
А далѣ того во зеленыхъ лугахъ,
Какъ стоитъ тамъ Курбанъ Царь
Еще Курбанъ Царь да и Курбановичъ!
Со всею силою могучею
Онъ со своей ли поляницею удалою;
Что стоитъ онъ широкими рвами окопавшися,
Землянымъ валомъ оградившися.
Молодецкое сердце не утерпчивое,
Разгоралася кровь богатырская;
Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ;
Подымается его добрый конь
Выше дерева стоячаго,

Ниже облака ходячаго;
Горы и долы межъ ногъ пускаетъ
Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
Широкія раздолья хвостомъ устилаетъ;
По землѣ бѣжитъ, земля дрожитъ,
Въ лѣсу раздается на нивахъ чуть.
Онъ скакалъ поспѣшалъ во чистыя поля,
Во чистыя поля еще къ Курбану Царю,
Еще къ Курбану Царю да и Курбановичу.
Первой ровъ его Богъ перенесъ,
Другой ровъ его конь перескочилъ,
Въ третій ровъ онъ обрушился.
Ай что взяли, прискакали удалы молодцы;
Подъ лѣвую руку взяли двадцать человѣкъ,
Поперегъ подхватили что и смѣты нѣтъ!
Взяли подхватили еще къ Курбану Царю,
Молодецкое сердце разъярилося,
Богатырская кровь разъигралася:
Какъ взялъ онъ Татарина за волосы,
Да какъ началъ Татариномъ помахивати,
Какъ куда побѣжитъ тамо улица лежитъ,
Гдѣ повернется тамо площадью;
И пробился молодецъ онъ до бѣлаго шатра,
Что до бѣлаго шатра и до Курбана Царя.

Какъ возмолится ему Курбанъ Царь;
Ты гой еси Суровецъ молодецъ!
Суровецъ Богатырь и Суроженинъ,
Поглядика ты въ книгѣ написано:
Что не велѣно тамъ князей казнить,
Что князей казнить и царей убивать.

XI.

О ЦАРѢ ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ.

При зачинѣ каменной Москвы
Зачинался тутъ и грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ два Царства покорилъ себѣ:
Астраханское и Казанское;
Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ Царя съ Царицею,
Онъ измѣну вывелъ лютую
Изъ Новаграда, изо Искова.
И тутъ ли Царь похваляться сталъ:
Ахъ когда бы мнѣ измѣнушку
Изтребить и въ каменной Москвѣ!
Тутъ Малюта рекъ Скурлатовичь:
„Ой ты гой еси великій Царь!
„Не выведешъ ее до вѣку;
„Твой измѣникъ супротивъ тебя,
„Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда
„Парчу носитъ съ одного плеча.„
— „Гой еси князья бояре!
Царь воскликнулъ грознымъ голосомъ.
Поведите вы Царевича,

Во палатушку особую,
Вы стащите золоту парчу,
И надѣньте платье черное
И свершите надъ нимъ смертную казнь.,,
Всѣ бояре ужаснулися,
Изъ палаты разбѣжалися;
Большой прячется за малаго,
Остается лишь Малюта врагъ;
Онъ беретъ млада Царевича,
Совлекаетъ золоту парчу,
Надѣваетъ платье черное,
На болото ведетъ жидкое,
Чтобъ исполнить надъ нимъ смертну казнь.

Весь народъ Божій волнуется,
Жаль ему млада Царевича.
Лишь Никита нашъ Романовичь
Не вздыхаетъ, не кручинится,
Онъ у друга на пиру сидитъ.
Скачетъ, къ нему вѣрный рабъ
Восклицаетъ запыхавшися:
„Ой ты гой еси нашъ батюшка!
Никита сударь, Романовичь!
Ты пьешь и ѣшь прохлаждаешся; —

А бѣды нашей не вѣдаешь?
Падаетъ звѣзда поднебесная,
Гаснетъ свѣча воску ярова,
Не становится царевича.
Ужаснулся тутъ бояринъ нашъ;
Онъ вскочилъ на лошадь рабскую,
Лошадь рабскую водовозную,
Поскакалъ на мѣсто лобное
Ухватилъ Малюту за воротъ
И воскликнулъ гнѣвнымъ голосомъ:
„Не за свой ты кусъ принимаешся!„
Этимъ кусомъ ты подавишся.„ —
А потомъ взялъ за бѣлы руки
Неповиннаго Царевича,
Увелъ его въ красной теремъ свой.

Между тѣмъ Великій Грозный Царь
Говоритъ своимъ бояревамъ:
Гой еси князья и бояре!
Надѣвайте платье черное,
Собирайтеся ко заутрени,
Слушать вмѣстѣ со Царемъ вашимъ
Панихиду по Царевичѣ.
Послѣ всѣ мнѣ отвѣчать должны.

Задрожали всѣ боярева,
Облекались въ платье черное
И явились ко заутрени
Слушать вмѣстѣ со Царемъ своимъ
Панихиду по Царевичѣ;
И со ужасомъ готовились,
Ко тому отвѣту страшному;
А Никита нашъ Романовичъ
Пришелъ въ церковь во цвѣтномъ платьѣ,
Онъ привелъ съ собой Царевича
И поставилъ позади дверей,
Дверей сѣверныхъ на крыльчикѣ.

Грозный Царь ему возговоритъ:
Ой ты, гой еси бояринъ мой!
Ты въ глаза мнѣ насмѣхаться сталъ;
Или ты того не вѣдаешъ,
Что упала звѣзда ясная!
Что угасла свѣча бѣлая,
Что не стало, ахъ Царевича!„ —
Повели не панихиду пѣть
А заздравное молебствіе.
Отвѣчалъ ему усердный рабъ;
И привелъ млада Царевича.

Царь возрадуясь, возговорилъ:
„Ой ты гой еси бояринъ мой!
Чѣмъ, скажи, тебя пожаловать?
Золотою ли казной моей
Или мнѣ тебѣ полъ—царства дать?
Не давай мнѣ золотой казны, —
Говорилъ ему бояринъ нашъ,
Ни полъ царства мнѣ не надобно,
Только дай ты мнѣ Скурлатова;
Повели ты мнѣ казнить его?
Добрый Царь ему отвѣтствуетъ,
— „И ты дѣлай съ нимъ, что вздумаешь.„

XII.

О СВЯТОГОРѢ БОГАТЫРѢ.

Ахъ! по морю, морю синему!
Что по синему морю, Каспійскому,
Други плаваетъ гуляетъ Соколъ корабль;
Ужъ онъ плаваетъ гуляетъ равно тридцать лѣтъ!
Что на якоряхъ Соколъ корабль не станвалъ;
У крутыхъ зеленыхъ береговъ не бывывалъ,
Церквей и монастырей не видывалъ,
Колокольнаго звону не слыхивалъ.
Хорошо добре Соколъ корабль изукрашенъ былъ:
Выгнутъ носъ его съ кормою по звѣриному,
А киль его сдѣланъ по змѣиному,
Бѣлъ парусъ какъ орлиное крыло;
Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ богатырь,
Эсауломъ же Илья Муромецъ;
На немъ шуба была во пять сотъ рублей,
На немъ шапочка во сотенку,
А пуговки на шубѣ чиста золота.
По караблику Муромецъ похаживаетъ,
И онъ тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ;
Его пуговки разгремѣлися,
Всѣ товарищи подымалися;

Наступили они на Турецкій флотъ,
Агаряне ихъ испугалися;
Въ сине море покидалися,
А богатство все оставили
На добычу добрымъ молодцамъ (*).

(*) Эту старину—коляду съ немногими въ словахъ измѣненіями поютъ и въ Устюгѣ. Я ее слышалъ въ Архангельскѣ.

XIII.

О КОРОЛЕВИШНѢ И РУССКОМЪ ДОБРОМЪ МОЛОДЦѢ.

Гулялъ молодецъ по Украйнѣ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года!
Загулялъ молодецъ къ Королю въ Литву.
Король молодца любилъ жаловалъ!
Королевна не могла наглядѣтися
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ молодецъ упиватися,
Буйными словами похвалятися:
„Ужъ какъ попито братцы, поѣдено,
Вкраснѣ, вхорошѣ похожено,
Съ одного плеча платья поношено,
Королевну за руку поважено,
Съ Королевной на перинушкѣ полежано.„
Ужъ какъ злы лихи на молодца своя братья!
Доносили на молодца самому Королю:
— Ты гой еси нашъ батюшка грозной Король!
Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь?
Живетъ Королевна съ добрымъ молодцомъ. —
Король на молодца вдругъ прогнѣвался;
Закричалъ завопилъ громкимъ голосомъ:
Какъ естьли у меня слуги вѣрные?
Вы возмите удалаго добра молодца,

Посадите его въ темную темницу,
А сами подите во чисто поле,
Вы ройте двѣ ямы глубокія,
Вы ставьте два столбика высокіе,
Перекладинку кладите кленовую,
Вы петельку кладите шелковую,
Поведите удалаго добра молодца;
Не водите его вы вдоль по улицѣ,
Поведите вы его позади дворца,
Не увидала бы Королевишна.
На первую ступень ступилъ молодецъ: —
Прости, прости, мой отецъ и мать!
На другую ступень ступилъ молодецъ:
Прости, прости весь родъ и племя!
На третью ступень ступилъ молодецъ:
Прости мой свѣтъ Королевишна!
Далеко Королевна голосъ слышала;
Бѣжала во свой высокъ теремъ,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулку серебряну,
Вынимала два ножичка булатные,
Порола свои груди бѣлыя.
Молодецъ въ чистомъ полѣ качается,
Королевишна на ножичкахъ кончается.
Пришелъ къ ней скоро родной батюшка.

Не успѣлъ Король лишь воззрѣти,
Увидѣлъ убиту Королевишну.
И онъ билъ свои руки объ дубовой столъ:
Ахъ свѣтъ ты моя дочь любезная!
Для чего мнѣ заранѣй не повѣдала,
Что жила въ любви съ добрымъ молодцомъ?
Ужъ я добраго молодца пожаловалъ,
Отъ смерти бы добраго молодца помиловалъ.
Закричалъ завопилъ громкимъ голосомъ:
Ужъ естьли у меня слуги вѣрные?
Вы пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
Чтобъ рубили они головы доносчикамъ,
Тѣмъ, которые доносили на дочь мою.

XIV.

РУССКОЙ СМОТРИТЪ АЗОВЪ.

У насъ было во Кремлѣ-городѣ,
У того собора Успенскаго
Съѣзжалися князья и бояра,
Всѣ сильные воеводы Московскіе!
Ужъ какъ Царь говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
Охъ, вы гой еси князья бояре!
Какъ намъ братцы на приступъ идти?
Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
Азовъ городъ вокрѣпи стоитъ
Не льзя къ нему подойти ни подъѣхати.
Какъ тутъ бояре испугалися,
Большой за меньшаго хоронилися,
А большихъ за меньшими давно не знать!
Ахъ что возговоритъ *Михайло Скопинъ*:
„Ой ты гой еси Грозный Царь!
Благослови мнѣ слово молвити,
Или цѣлую рѣчь выговорити?
Дѣлайте телѣжки бурмицкія,
Убивайте ихъ кунами собольими;
Сукнами багрецовыми, гвоздями полуженными;
Сажайте въ телѣжку по пяти человѣкъ
Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,

Я возму тотъ городъ во единый часъ:„
Пріѣхали они ко синю морю;
Кричитъ онъ, вопитъ перевощикамъ:
Перевезите гостя могучаго,
Что во тотъ ли во Азовъ городъ!
Стали бурмистры и головы,
Стали пошлины спрашивати.
„Ахъ! вы гой еси Бурмистры и головы!
„Помедлите вы до утрія,
Я отдамъ по таксѣ, полную.„ —
Со полуночи до вечера могучій гость,
Черезъ сине море переправился,
Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
И донесъ Царю о возможности.